

Оборот цифровых прав в российском праве: пределы действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации

Егор Вадимович Кондратенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, egorkojber@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-3497-8270>

Аннотация

Введение. Цифровизация имущественного оборота и развитие специальных правовых режимов усилили потребность в точном разграничении цифровых прав и смежных цифровых имущественных явлений. Особую значимость этот вопрос приобретает там, где правовая квалификация влияет на наследование, залог, обращение взыскания и судебную защиту.

Цель. Исследование направлено на уточнение пределов действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и выявление критериев, позволяющих отличать цифровые права от иных цифровых имущественных явлений. В центре внимания находятся не любые цифровые активы, а только такие имущественные права, которые прямо признаны законом цифровыми и существуют в рамках информационной системы, отвечающей установленным требованиям. Дополнительная задача исследования заключается в проверке того, насколько действующая рамочная конструкция пригодна для применения в наследовании, залоге, обращении взыскания и судебной защите, то есть в тех сферах, где юридический титул должен быть преобразован в технически исполнимое действие внутри системы.

Материалы и методы. Исследование основано на сочетании формально-юридического, системного, догматического и правоприменительного методов. Проанализированы положения гражданского, финансового, налогового и процессуального законодательства, регулирующие цифровые права, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровую валюту и цифровой рубль. В качестве материала использованы доктринальные труды российских и зарубежных авторов, а также судебные акты, позволяющие оценить влияние цифровой инфраструктуры на осуществление и защиту имущественных прав.

Результаты. Установлено, что статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации не создает универсальной категории цифрового имущества, а закрепляет специальную юридическую форму существования отдельных имущественных прав. Предложен четырехэлементный критерий квалификации цифрового права, включающий прямое признание права законом, наличие имущественно-правового содержания, структурную привязку к информационной системе и юридическое значение системной записи. Показано, что правовая роль записи неодинакова: в общей модели она легитимирует обладателя и способ распоряжения, а в специальных режимах может входить в юридический состав возникновения, перехода или обременения права.

Выводы. Сделан вывод о секторальном характере российского регулирования и о том, что основные проблемы сосредоточены не на уровне дефиниций, а в механизмах наследственного правопреемства, фиксации залога, исправления дефектных записей, исполнительного производства и судебного понуждения к изменению записи в системе. Обоснована необходимость точечной модернизации законодательства без расширительного толкования понятия цифровых прав и без смешения цифровых прав с цифровой валютой, цифровым рублем, безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами.

Ключевые слова: цифровые права, оборот имущественных прав, информационная система, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровой рубль, наследование цифровых прав, залог цифровых прав, судебная защита, цифровые доказательства

Для цитирования: Кондратенко Е. В. Оборот цифровых прав в российском праве: пределы действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 42–57. EDN RFVGVV

Original article

Circulation of digital rights in Russian law: the limits of article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation

Egor V. Kondratenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, egorkojber@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-3497-8270>

Abstract

Introduction. The digitalization of property turnover and the development of special legal regimes have increased the need for precise differentiation of digital rights and related digital property phenomena. This issue is particularly important where legal qualifications affect inheritance, collateral, foreclosure, and judicial protection.

Purpose. The study aims to clarify the limits of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation and to identify the criteria that make it possible to distinguish digital rights from other digital property phenomena. The focus is not on digital assets in general, but only on those proprietary rights that are expressly recognized by law as digital and exist within an information system that meets the established legal requirements. An additional objective of the study is to examine whether the current framework is suitable for application in inheritance, pledge, enforcement against assets, and judicial protection, that is, in those areas where legal title must be transformed into a technically executable action within the system.

Materials and methods. The research is based on a combination of formal legal, systemic, doctrinal, and law-enforcement methods. It analyzes the provisions of civil, financial, tax, and procedural legislation governing digital rights, utility digital rights, digital financial assets, digital currency, and the digital ruble. The study also relies on doctrinal works by Russian and foreign authors, as well as judicial acts that make it possible to assess the influence of digital infrastructure on the exercise and protection of proprietary rights.

Results. It is established that Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation does not create a universal category of digital property, but rather establishes a special legal form for the existence of certain proprietary rights. A four-element criterion for qualifying a right as a digital right is proposed; it includes express recognition of the right by law, the presence of proprietary legal content, structural linkage to an information system, and the legal significance of the system record. It is shown that the legal role of the record is not uniform: in the general model, it legitimizes the holder and the mode of disposition, whereas in special regimes it may form part of the legal structure of the creation, transfer, or encumbrance of the right.

Conclusions. The study concludes that Russian regulation in this sphere is sectoral in character and that the principal difficulties arise not at the level of definitions, but in the mechanisms of hereditary succession, the recording of pledges, the correction of defective records, enforcement proceedings, and judicial compulsion to alter a record within the system. The need is substantiated for targeted legislative modernization without an expansive interpretation of the concept of digital rights and without conflating digital rights with digital currency, the digital ruble, non-cash funds, or uncertificated securities.

Keywords: digital rights, circulation of proprietary rights, information system, utility digital rights, digital financial assets, digital currency, digital ruble, inheritance of digital rights, pledge of digital rights, judicial protection, digital evidence

For citation: Kondratenko E. V. Circulation of digital rights in Russian law: the limits of article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(2):42–57. (In Russ.). EDN RFVGVVP

Введение

Оборот имущественных ценностей в цифровой среде уже трудно воспринимать как частный технический сюжет. Для гражданского права это вопрос о том, в какой форме сегодня вообще может существовать имущественное право и какие юридические последствия следует связывать с записью в информационной системе. Именно поэтому статья 141.1 ГК РФ вызывает устойчивый интерес: она затрагивает не отдельный специальный рынок, а более общий вопрос о границах трансформации частноправовых конструкций в цифровой среде [1–3].

Вместе с тем из самого текста закона видно, что законодатель сознательно не стал приравнивать к цифровым правам всякую имущественную ценность, существующую в электронной форме. Такое решение, на мой взгляд, можно считать обоснованным. Слишком широкая модель дала бы удобную, но юридически опасную абстракцию: в одной категории оказались бы явления с разной структурой, разным набором обязанностей и разными механизмами защиты. Статья 141.1 ГК РФ построена иначе: в рамках настоящего исследования она рассматривается как рамочная норма, действующая прежде всего там, где право прямо признано цифровым законом и включено в регулируемую информационную систему. Эта закрытая модель обеспечивает правовую определенность, однако одновременно ставит вопрос о ее адаптивности: по мере появления новых цифровых активов правовой порядок рискует перейти к модели догоняющего регулирования, при которой он не опережает развитие оборота, а лишь последовательно фиксирует уже сложившиеся практики.

Эта логика особенно отчетливо проявилась после принятия законов об инвестиционных платформах и о цифровых финансовых активах. Российское регулирование стало складываться не как единый режим «цифрового имущества», а как совокупность общей рамочной нормы и специальных режимов для отдельных видов цифровых прав. Позднейшие изменения 2020–2025 гг. лишь усилили эту секторальность: законодатель расширял отдельные сценарии использования цифровых активов, но не снимал вопрос о том, какие из них действительно подпадают под статью 141.1 ГК РФ [4; 5].

Отсюда и возникает центральная проблема статьи. На практике внешнее сходство цифровых явлений нередко подталкивает к их постепенному сближению: цифровые права смешиваются с цифровой валютой, цифровым рублем, безналичными денежными средствами или бездокументарными ценными бумагами. Однако такое сближение не безобидно. За ошибкой квалификации обычно следуют ошибки в определении момента перехода права, в выборе способа защиты и в понимании роли оператора системы [5; 6].

Доктрина также не дает абсолютно единого ответа. Одни авторы видят в цифровых правах главным образом новый способ фиксации уже известных имущественных прав; другие, напротив, подчеркивают самостоятельное значение инфраструктуры, системной записи и специального порядка легитимации обладателя. Следует признать, что продуктивнее занимать промежуточную позицию: не растворять цифровые права в одной лишь технической оболочке, но и не превращать их в универсальную сверхкатегорию для любого цифрового актива. Именно такая перспектива позволяет сохранить догматическую точность [1–3].

В этой связи цель настоящей статьи состоит в более точном определении пределов действия статьи 141.1 ГК РФ и в выявлении тех участков гражданско-правового регулирования, где рамочная норма Кодекса нуждается в специальной донастройке.

В работе выдвигается и проверяется следующая гипотеза: спор вокруг цифровых прав связан не столько с недостатком легальной дефиниции, сколько с неполной сопряженностью статьи 141.1 ГК РФ с институтами наследования, залога, исполнительного производства и судебной защиты. Научная новизна исследования состоит, во-первых, в формулировании четырехэлементного критерия отнесения спорного явления к цифровым правам в узком смысле статьи 141.1 ГК РФ; во-вторых, в разграничении общей легитимирующей функции записи в информационной системе и ее конститутивного значения в специальных режимах; в-третьих, в обосновании вывода о том, что пределы действия статьи 141.1 проходят не по линии «цифровая форма – нецифровая форма», а по линии нормативно признанной правовой конструкции соответствующего объекта. При этом закрытая законодательная модель не должна пониматься как отказ от функционального анализа. Такой анализ необходим не для расширительного толкования статьи 141.1 ГК РФ, а для оценки перспектив ее законодательной донастройки: при появлении новых цифровых активов значение приобретают юридическая природа актива, роль информационной системы и функция системной записи в механизме возникновения, осуществления и перехода имущественного права. Если эта гипотеза верна, то на нынешнем этапе развитие законодательства должно идти прежде всего по линии точечной адаптации уже существующих частноправовых механизмов, но с учетом возможности последующего формирования более согласованной общей модели цифровых имущественных явлений.

Материалы и методы

Выбор методов в данном случае продиктован самой постановкой вопроса. Цифровые права нельзя адекватно описать, опираясь только на буквальный текст статьи 141.1 ГК РФ, поскольку их правовой режим складывается на пересечении общих положений об объектах гражданских прав, специальных финансово-правовых режимов и реальной практики обращения цифровых активов. Поэтому в работе сочетаются формально-юридический, системный и догматический анализ с обращением к судебной практике [3; 7; 8].

Системный и догматический подходы были необходимы прежде всего для разграничения цифровых прав с цифровой валютой, цифровым рублем, безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. Без такого разграничения любое дальнейшее рассуждение о переходе права, залоге или защите неизбежно оказывается неточным. Одновременно правоприменительный материал позволил проверить, как эти теоретические различия работают в реальных спорах [5; 6].

Материал исследования включал три основные группы источников. Во-первых, это источники гражданского, финансового, налогового и процессуального законодательства, задающие легальную конструкцию цифровых прав и смежных явлений. Во-вторых, современные доктринальные работы российских цивилистов, в которых обсуждаются пределы статьи 141.1 ГК РФ и судьба традиционных частноправовых институтов в цифровой среде. В-третьих, судебные акты по делам о цифровой валюте, доступе к цифровым активам, банкротстве и судебной защите имущественных интересов, связанных с цифровой инфраструктурой.

Рабочая логика исследования позволила исходить из следующего предположения: статья 141.1 ГК РФ способна выполнять роль общей рамочной нормы только при условии ее сдержанного толкования. Иными словами, она работает там, где закон действительно конструирует цифровое право как особую форму имущественного права, но не там, где перед нами лишь цифровая форма существования иного объекта. Такое предположение позволяет избежать наиболее распространенной ошибки – подмены юридической квалификации технологическим сходством [3; 7].

При этом важно учитывать и пределы исследования. Российская судебная практика пока дает сравнительно немного дел, прямо посвященных цифровым правам в узком смысле статьи 141.1 ГК РФ. По этой причине акты по цифровой валюте, доступу к цифровым активам, банкротству и судебной защите имущественных интересов, связанных с цифровой инфраструктурой, используются в работе не как прямые прецеденты по предмету статьи, а как смежный аналитический материал. Соответственно, выводы о наследовании, залоге, обращении взыскания и коррекции записей носят не казуистический, а модельный характер: они опираются на действующие нормы, современную доктрину и логику уже сложившихся споров в цифровой среде [6; 9–11].

Цифровые права как специальная форма имущественных прав

Исходной точкой анализа выступает буквальное содержание статьи 141.1 ГК РФ. Из него следует, что цифровыми правами признаются не любые электронные данные и не любые цифровые активы, а только названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Уже на уровне законодательной формулировки прослеживаются два ограничения: цифровое право всегда производно от определенного имущественного правомочия и существует лишь там, где закон прямо придает соответствующему праву статус цифрового [3; 7; 8].

Связь статьи 141.1 со статьей 128 ГК РФ имеет определяющее значение. Цифровые права названы не рядом с вещами как самостоятельная субстанция, а внутри категории имущественных прав в составе иного имущества. Отсюда вытекает, что цифровое право не отменяет стоящего за ним имущественного содержания, а представляет собой юридически признанную форму его организации, фиксации и оборота. Именно поэтому представляется затруднительным с методологической точки зрения превращать цифровые права в собирательное обозначение любой цифровой имущественной ценности [3; 7; 8].

Вместе с тем производный характер цифрового права не означает его полной теоретической растворимости в традиционных конструкциях. Статья 141.1 ГК РФ устанавливает специальные правила осуществления и распоряжения цифровым правом: передача, залог, иное обременение и ограничение распоряжения возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Формулу «без обращения к третьему лицу» корректнее понимать как отказ от внешнего удостоверения распоряжения вне информационной системы, а не как устранение инфраструктурных субъектов из оборота; оператор системы сохраняет роль технического и организационного исполнителя ее правил. Следовательно, законодатель связывает с цифровой формой права не только особый способ учета, но и иной механизм легитимации субъекта, иной порядок совершения распорядительных действий и иной режим доказательства принадлежности права [8].

Пределы действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и разграничение цифровых прав с иными цифровыми явлениями

Пределы действия статьи 141.1 ГК РФ выявляются прежде всего через сопоставление цифровых прав с близкими феноменами. Наиболее важны четыре разграничения: с утилитарными цифровыми правами; с цифровыми финансовыми активами; с цифровой валютой; с иными объектами, существующими в цифровой форме, но не подпадающими под легальную категорию цифровых прав. Такое разграничение не является чисто классификационным: от него зависит набор применимых норм о сделках, способы защиты, возможность включения актива в конкурсную массу и пределы государственного регулирования [3–6].

С практической точки зрения вопрос о применимости статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации не может решаться только по внешней цифровой форме спорного явления. Необходима поэлементная проверка того, имеется ли в конкретном случае легально признанное цифровое право, структурная привязка к отвечающей закону

информационной системе и юридически значимая роль системной записи. Указанные признаки суммированы в табл. 1 и далее конкретизируются применительно к смежным цифровым явлениям [3; 7].

Таблица 1 – Разграничение цифровых прав и смежных цифровых имущественных явлений
Table 1 – Distinguishing digital rights from related digital property phenomena

Явление	Нормативная база	Ключевые признаки	Соотношение со ст. 141.1 ГК РФ
Цифровые права	Ст. 128, 141.1 ГК РФ	Имущественные права, прямо названные цифровыми в законе; осуществляются и обращаются в информационной системе	Базовая общая категория
Утилитарные цифровые права	ФЗ № 259-ФЗ от 02.08.2019	Права требования передачи вещи, результатов интеллектуальной деятельности, выполнения работ и оказания услуг; возникают и переходят по записи в платформе	Специальный вид цифровых прав
Цифровые финансовые активы	ФЗ № 259-ФЗ от 31.07.2020	Денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и иные поименованные законом права; обращаются в специальной системе	Специальный вид цифровых прав
Цифровая валюта	ФЗ № 259-ФЗ от 31.07.2020; НК РФ	Совокупность электронных данных, используемых в качестве средства платежа и (или) инвестиции и обращающихся в особом цифровом режиме; самостоятельный объект правового регулирования	Самостоятельный режим вне конструкции ст. 141.1 ГК РФ
Цифровой рубль	Ст. 128, 140, 861 ГК РФ и банковское регулирование	Форма безналичных денежных средств и платежной инфраструктуры Банка России	Требует самостоятельной квалификации вне режима ст. 141.1 ГК РФ
Бездокументарные ценные бумаги	ГК РФ, законодательство о рынке ценных бумаг	Корпоративно-учетная форма фиксации прав по ценным бумагам	Требует самостоятельной квалификации и не отождествляется со ст. 141.1 ГК РФ

Как показывает табл. 1, решающим критерием выступает не цифровая форма как таковая, а сочетание нормативного признания права цифровым, имущественно-правового содержания соответствующего явления и той функции, которую запись в системе выполняет для легитимации обладателя, возникновения, перехода или обременения права.

Для целей правоприменения предлагается использовать следующий четырехэлементный критерий отнесения спорного явления к цифровым правам в смысле статьи 141.1 ГК РФ: 1) соответствующее право должно быть прямо названо цифровым в законе; 2) оно должно иметь распознаваемое имущественно-правовое содержание, а не представлять собой лишь фактическую цифровую ценность; 3) осуществление и распоряжение им должны быть структурно привязаны к правилам определенной информационной системы; 4) системная запись должна иметь юридическое значение по меньшей мере для легитимации обладателя,

а в случаях, прямо предусмотренных специальным законом, – также для возникновения, перехода либо обременения права. Отсутствие хотя бы одного из указанных элементов свидетельствует скорее о наличии смежного цифрового явления, чем цифрового права в узком смысле статьи 141.1 ГК РФ [3; 5; 7].

Утилитарные цифровые права, предусмотренные статьей 8 Закона об инвестиционных платформах, представляют собой наиболее прямое развитие общей конструкции статьи 141.1 ГК РФ. Закон прямо называет цифровыми права требовать передачи вещи, передачи исключительных прав или прав использования результатов интеллектуальной деятельности, а также выполнения работ или оказания услуг, если они изначально возникли как цифровые права на основании договора, заключенного с использованием инвестиционной платформы. Их возникновение, переход и прекращение связаны с внесением информации в платформу, а распорядительные действия допустимы только внутри нее [5; 8].

Цифровые финансовые активы по Закону 2020 г. также определяются как цифровые права, однако состав удостоверяемых ими прав иной: это денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Их выпуск, учет и обращение возможны только путем внесения или изменения записей в соответствующей информационной системе. Следовательно, ЦФА являются не внешним по отношению к статье 141.1 явлением, а одной из специальных легальных разновидностей цифровых прав. Вместе с тем сам Закон о ЦФА формирует специальный режим их выпуска и обращения, не подменяя собой общие положения о цифровых правах и не регулируя в целом безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги [4].

Иной является ситуация с цифровой валютой. Закон 2020 г. определяет ее как совокупность электронных данных, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа либо в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких данных. Однако критерий наличия или отсутствия обязанного лица, хотя и остается существенным для разграничения цифровых прав и цифровой валюты, не может рассматриваться как абсолютно достаточный и универсальный. Развитие децентрализованных цифровых платформ, в которых исполнение, учет и подтверждение принадлежности актива осуществляются не через классического контрагента, а через распределенную архитектуру сети, усложняет традиционную обязательно-правовую модель. В таких условиях для корректной квалификации значение приобретают также способ легитимации управомоченного субъекта, юридическая функция записи или транзакции в системе, степень централизованности инфраструктуры и нормативное значение правил, определяющих оборот соответствующего цифрового актива. Поэтому разграничение цифровых прав и цифровой валюты целесообразно строить на совокупности юридически значимых признаков, а не сводить его исключительно к формальному критерию наличия обязанного лица.

Отсутствие лица, обязанного перед каждым обладателем электронных данных, остается важным признаком цифровой валюты, однако само по себе не исчерпывает ее разграничение с цифровыми правами в смысле статьи 141.1 ГК РФ. Отдельные инфраструктурные обязанности лиц, обеспечивающих функционирование соответствующей цифровой среды, также не образуют корреспондирующего каждому обладателю обязательственного права требования по той модели, которая характерна для цифровых прав. Даже признание цифровой валюты имуществом для целей налогового права и укрепление ее судебной защиты в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П не превращают цифровую валюту в цифровое право: перед нами иной по структуре объект регулирования, требующий самостоятельной квалификации [6].

Цифровой рубль, безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги также не должны автоматически включаться в категорию цифровых прав. Их правовая

природа определяется иными законодательными массивами: денежно-платежным, банковским и корпоративно-ценнобумажным. Следовательно, сама по себе цифровая форма существования не превращает эти явления в цифровые права по статье 141.1 ГК РФ. Напротив, предмет регулирования Закона о ЦФА подтверждает, что законодатель разграничил режим цифровых прав и режимы иных имущественных явлений, существующих в цифровой форме [6].

Секторальный характер режима цифровых прав и юридическое значение записи в информационной системе

Российский законодатель построил регулирование оборота цифровых прав по секторальной модели. Общая норма ГК РФ не содержит исчерпывающего набора правил об их видах, возникновении, обороте и защите, а лишь задает рамку, внутри которой специальные законы конструируют конкретные разновидности цифровых прав [3]. Преимущество такого подхода состоит в возможности адресного регулирования разных цифровых сред, однако его обратной стороной становится фрагментарность и зависимость статуса цифрового права от инфраструктуры конкретной системы.

Важно, однако, избегать чрезмерного обобщения. Запись в информационной системе приобретает конститутивное значение не всегда в силу одной только статьи 141.1 ГК РФ, а только тогда, когда такое значение прямо вытекает из специального закона и правил соответствующей системы [7]. Поэтому корректнее говорить о двух уровнях юридической роли записи: на уровне общей нормы она, как правило, выполняет функцию легитимации обладателя и допустимого способа распоряжения правом внутри системы; на уровне специальных режимов утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов запись в предусмотренных законом случаях может входить в юридический состав возникновения, перехода, ограничения или прекращения права.

Такое разграничение позволяет усилить доказательность вывода о значении записи и одновременно избежать утверждения, будто статья 141.1 ГК РФ сама по себе универсально конституирует любое цифровое право.

Специфична и легитимация обладателя. Пункт 2 статьи 141.1 ГК РФ ориентирует на критерий возможности распоряжения правом в соответствии с правилами информационной системы. Тем самым признак принадлежности права переносится внутрь системы: обладатель – это не тот, кто предъявил внешний документ, а тот, кто признается системой способным совершить распорядительное действие. Юридическое значение приобретают процедуры идентификации, порядок доступа, алгоритмы подтверждения операций и механизмы восстановления контроля над правом [8].

Особенности гражданского оборота цифровых прав

Центральная особенность оборота цифровых прав состоит в том, что классические гражданско-правовые конструкции здесь работают не напрямую, а через инфраструктурный фильтр информационной системы. Статья 141.1 ГК РФ допускает передачу, залог, иное обременение и ограничение распоряжения цифровым правом, но одновременно требует, чтобы такие действия совершались только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Указанную формулу следует понимать как отказ от внешнего подтверждения распоряжения вне информационной системы; она не исключает роли оператора системы как инфраструктурного исполнителя ее правил, а в процедурах банкротства, наследования и исполнения судебных актов – также участия арбитражного управляющего, нотариуса, судебного пристава-исполнителя и иных процессуальных посредников. Именно это обстоятельство и модифицирует применение общих правил об уступке требования, залоге имущественных прав и иных распорядительных моделях.

В отношении отчуждения цифрового права ключевым является вопрос о моменте перехода. В традиционном обязательственном праве для перехода права требования обычно достаточно соглашения сторон, если законом или договором не предусмотрено иное.

В цифровой среде переход права завершается не в момент достижения консенсуса, а в момент внесения записи либо изменения информации в системе, если именно такой порядок установлен законом и правилами системы. Следовательно, сделка приобретает двухэлементную структуру: волевое основание плюс системная реализация [8].

**Соотношение цифровых прав с цифровым рублем,
безналичными денежными средствами
и бездокументарными ценными бумагами**

Одним из устойчивых источников методологических ошибок остается смешение цифровых прав с цифровым рублем и иными формами безналичных денег. Между тем уже системное толкование статьи 128 ГК РФ показывает, что цифровой рубль упомянут законодателем отдельно от цифровых прав, внутри группы имущественных прав наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. Отсюда следует, что цифровой рубль не может автоматически квалифицироваться как цифровое право только потому, что он существует в цифровой инфраструктуре; его правовая природа раскрывается через денежно-платежную, а не через платформенно-правовую модель [6].

Такой вывод подтверждается и современной доктриной. В литературе справедливо подчеркивается, что цифровой рубль представляет собой особую форму безналичных денежных средств, опосредованную публичной платежной инфраструктурой Банка России, тогда как цифровые права по статье 141.1 ГК РФ возникают и обращаются в информационной системе как названные в законе обязательственные и иные права [5; 6]. Следовательно, общая для них «цифровая» оболочка не должна скрывать различие в юридическом основании существования объекта: в одном случае перед нами цифровая модификация денег, в другом – специальная форма фиксации и обращения имущественного права.

Не менее важно разграничение цифровых прав и бездокументарных ценных бумаг. Последние также существуют в учетной системе и легитимируют управомоченное лицо через запись, однако их правовой режим исторически и нормативно связан с конструкцией ценной бумаги и с институтами корпоративного права. Цифровые права, напротив, образуют открытый, но легально типизированный круг обязательственных и иных прав, содержание которых определяется специальным законом и правилами системы. Именно поэтому цифровые финансовые активы, удостоверяющие права по эмиссионным ценным бумагам либо право требовать передачи таких бумаг, нельзя отождествлять с самими бездокументарными ценными бумагами: между ними сохраняется различие по юридической функции записи, по субъектному составу и по режиму обращения [5; 6].

Практическое значение такого разграничения проявляется в выборе подлежащих применению правил о расчетах, об обращении взыскания, о защите права и о публичном контроле. Неверная квалификация цифрового рубля как цифрового права или, напротив, цифрового права как разновидности безналичных денег способна привести к ошибкам при определении момента перехода права, при решении вопроса об обязательном участии оператора системы и при отборе допустимых способов защиты. Следовательно, пределы действия статьи 141.1 ГК РФ проходят не по линии «аналоговая – цифровая форма», а по линии нормативно признанной правовой конструкции соответствующего объекта [6].

Наследственное правопреемство как тест на полноту режима цифровых прав

Наследование цифровых прав особенно наглядно демонстрирует, что одной лишь общей дефиниции статьи 141.1 ГК РФ недостаточно для полноценного оборота соответствующих объектов. При этом следует учитывать, что прямой массив судебных актов именно о наследовании цифровых прав пока ограничен; поэтому данный сюжет в настоящей работе анализируется преимущественно на основе доктрины, общих начал наследственного права и смежной практики по цифровым активам. С позиции общих начал наследственного права цифровые права, как имущественные права, должны входить в состав наследства, если иное

прямо не установлено законом. Однако фактическая реализация универсального правопреемства в этой сфере зависит не только от наличия свидетельства о праве на наследство, но и от того, допускают ли правила информационной системы изменение записи, смену субъекта, восстановление доступа и подтверждение полномочий наследника [9].

Современные исследования справедливо отмечают, что цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и цифровой рубль находятся в неодинаковом положении с точки зрения посмертного распоряжения и оформления перехода прав. Для цифрового рубля законодатель уже связал режим наследственного правопреемства с моделью завещательного распоряжения в отношении денежных средств, тогда как в отношении цифровых прав подобная детальная конструкция отсутствует. В результате участники оборота вынуждены компенсировать пробелы частными практиками передачи логинов, паролей и иной чувствительной информации, что плохо совместимо с интересами обязательных наследников, пережившего супруга и кредиторов наследодателя [9].

Для гражданского права здесь особенно важно развести два вопроса. Первый касается принадлежности права как элемента наследственной массы; второй — механизма приобретения наследником реального контроля над ним. Даже если нотариус удостоверил переход права, оператор платформы или иной инфраструктурный посредник должен обладать понятной процедурой внесения изменений в систему. Без такой процедуры наследственное правопреемство оказывается неполным: материально-правовой титул существует, но способность осуществлять право отсутствует. Следовательно, наследование цифровых прав требует нормативной связки между нотариальным удостоверением, требованиями идентификации наследника и обязанностью оператора совершить системно исполнимые действия по смене управомоченного лица [9].

Сказанное позволяет рассматривать наследование как своеобразный стресс-тест для всей конструкции цифровых прав. Если правопорядок не способен обеспечить их переход по универсальному правопреемству, значит, он пока не сформировал полноценно работоспособный режим имущественного оборота. Поэтому предлагаемые в литературе решения в виде специального завещательного распоряжения, обязательных процедур взаимодействия нотариуса с оператором системы и регламента восстановления контроля заслуживают поддержки. Они не размыывают категорию цифровых прав, а, напротив, придают ей практическую завершенность [9]. При этом наследование цифровых прав следует рассматривать не как доказательство неполноценности конструкции статьи 141.1 ГК РФ, а как проверку того, насколько существующий режим способен работать в условиях универсального правопреемства. Если правопорядок обеспечивает переход права, но не обеспечивает технически и процедурно исполнимый доступ к нему, значит, проблема лежит не в самой дефиниции, а в связке материального и инфраструктурного уровня регулирования.

Залог цифровых прав, публичность обременения и принудительная реализация

Еще одной зоной повышенной неопределенности является залог цифровых прав. Статья 141.1 ГК РФ прямо допускает залог цифрового права, однако сама по себе эта оговорка не отвечает на ключевые вопросы оборота: каким образом в системе фиксируется обременение, кто проверяет наличие предшествующих залогов, как обеспечивается публичность такого обременения и каким способом реализуется предмет залога при нарушении обеспеченного обязательства. Здесь также необходимо учитывать, что прямая судебная практика пока складывается фрагментарно, поэтому основной доказательственный материал образуют специальные исследования последних лет и общая логика исполнительных и обеспечительных механизмов в цифровой среде [10; 11]. В обычном залоговом праве эти вопросы решаются через сочетание принципов специальности, публичности и процедур принудительной реализации; в цифровой среде каждый из них должен быть адаптирован к архитектуре конкретной информационной системы [10]. Именно поэтому речь должна

идти не о создании самостоятельного “цифрового залога” как особой конструкции, а о развитии общих обеспечительных механизмов применительно к среде информационных систем. В противном случае залог цифровых прав останется формально допустимым, но практически слабым инструментом обеспечения.

В новейшей литературе убедительно показано, что оператор информационной системы фактически становится инфраструктурным гарантом либо, напротив, источником рисков для залогового оборота цифровых прав. Если система не позволяет достоверно зафиксировать наличие залога и ограничить распорядительные действия залогодателя, то сама возможность эффективного обеспечения обязательства оказывается под вопросом. Напротив, при наличии прозрачного механизма регистрации обременения система способна обеспечить высокую степень определенности для всех участников оборота, включая последующих приобретателей и потенциальных кредиторов [10].

Особую сложность представляет принудительная реализация предмета залога и обращение взыскания в исполнительном производстве. В отношении цифровых прав недостаточно вынести решение о взыскании или о реализации актива; необходимо обеспечить технологическую исполнимость соответствующего судебного акта. Здесь особенно релевантны разработки о цифровом исполнительном производстве, в рамках которых подчеркивается, что эффективность принудительного исполнения зависит от доступа суда и органов исполнения к релевантным системным данным и к юридически значимым функциям цифровой инфраструктуры [11]. Следовательно, развитие режима залога цифровых прав неотделимо от развития процедур принудительного исполнения в цифровой среде.

Из этого вытекает и более общий вывод: публичность обременения цифрового права должна пониматься не как воспроизведение классических бумажно-реестровых решений, а как обеспеченная законом и технически надежная видимость правового статуса актива внутри системы и для внешних участников оборота, которым по закону предоставлен доступ к такой информации. Без закрепления минимальных требований к фиксации залога, к приоритету конкурирующих обременений и к обязательному содействию оператора системы обращение цифровых прав в качестве обеспечения останется нестабильным и фрагментарным [10; 11].

Судебная защита и процессуальное доказывание

Проблематика защиты цифровых прав находится на пересечении статьи 12 ГК РФ и специальных правил о цифровых правах. Вопрос состоит не в том, сохраняют ли значение классические способы защиты, а в том, в какой мере они требуют адаптации к цифровой среде. Признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, понуждение к совершению действий, взыскание убытков, применение последствий недействительности сделки и возврат неосновательного обогащения формально применимы и к цифровым правам, однако их практическая эффективность зависит от того, может ли судебное решение быть переведено в системно исполнимое действие [10; 11].

Именно поэтому для цифровых прав особое значение приобретает восстановительный, а не только констатационный компонент защиты. Если информационная система продолжает считать обладателем иное лицо либо если право заблокировано вследствие ошибки алгоритма, судебный акт должен быть сопряжен с обязанностью оператора или иного уполномоченного субъекта изменить запись либо устранить ограничение. В централизованных и платформенных моделях оборота это означает необходимость специального требования об обязании оператора совершить юридически значимые действия в системе [11]. Тем самым эффективность судебной защиты цифровых прав зависит не только от выбора надлежащего способа защиты, но и от способности суда обеспечить его техническую исполнимость через изменение записи, снятие блокировки или иное вмешательство в системный статус права.

Вещно-правовые способы защиты могут использоваться лишь ограниченно и с учетом природы спорного объекта. Механическая трансплантация виндикации в цифровую среду методологически сомнительна, поскольку предмет истребования здесь обычно выступает не индивидуально-определенная вещь в натуре, а цифровая ценность или цифровое право, существующее через систему учета. Более перспективными являются обязательно-восстановительные и кондикционные модели, сочетаемые при необходимости с требованием о корректировке системной записи. Такой подход согласуется и с логикой Постановления Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П, в котором центр тяжести был перенесен с формального отрицания защиты на проверку законности получения и использования цифровой валюты.

Не менее существенна и процессуальная перспектива. Для подтверждения принадлежности цифрового права, факта его передачи, наличия обременения либо нарушения права суду могут потребоваться журналы операций, сведения оператора, данные об идентификации, электронные сообщения, скриншоты и иные цифровые следы. Следовательно, эффективность гражданско-правовой защиты зависит не только от материально-правовой квалификации актива, но и от процессуальной способности сторон представить, истребовать и интерпретировать цифровые доказательства [11].

Проверка института цифровых прав на материале наследования, залога и обращения взыскания показывает, что полноценный оборот таких прав возможен лишь при наличии обязательных правил взаимодействия между носителем материально-правового титула и оператором информационной системы. Поэтому дальнейшая модернизация законодательства должна быть направлена не только на уточнение дефиниций, но и на создание процедурных мостов между гражданско-правовым основанием и технически исполнимым изменением системной записи [9–11].

Основные направления совершенствования законодательства

Выявленные проблемы позволяют сформулировать несколько направлений точечной модернизации законодательства. Во-первых, в общих положениях гражданского законодательства целесообразно закрепить, что запись в информационной системе в случаях, прямо предусмотренных законом, может иметь правообразующее, правопереходное или правоограничительное значение. Такая формулировка устранила бы неопределенность относительно момента перехода цифрового права и пределов действия общего договорного титула, не превращая статью 141.1 ГК РФ в универсальный источник конститутивного эффекта записи.

Во-вторых, специальные законы должны содержать минимальные обязательные требования к правилам информационной системы: порядок идентификации участников, исправления ошибочных записей, фиксации обременений, восстановления контроля, раскрытия информации по мотивированному запросу суда, нотариуса, арбитражного управляющего или судебного пристава-исполнителя. Существенные элементы гражданско-правового режима не могут полностью переноситься на уровень частных регламентов оператора.

В-третьих, требуется разработать специальные правила о наследовании, залоге и обращении взыскания на цифровые права. Речь идет не о создании автономного цифрового вещного права, а о донстройке уже известных институтов применительно к ситуации, когда осуществление и распоряжение правом возможны только через инфраструктуру системы. Без такой донстройки часть судебных решений и конкурсных процедур будет оставаться декларативной.

В-четвертых, необходимо развивать процессуальные механизмы работы с цифровыми доказательствами. Доступ к сведениям оператора, стандарты представления журналов операций, вопросы достоверности электронных следов и пределы использования технических логов в качестве доказательств должны получить более ясное нормативное оформление. Лишь в этом случае гражданско-правовая защита цифровых прав перестанет зависеть от случайной доказательственной удачи конкретной стороны.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что статья 141.1 ГК РФ заняла в российском частном праве значимое, но строго ограниченное место. Ее функция состоит не в создании общей категории «цифрового имущества», а в юридическом оформлении тех имущественных прав, которые прямо названы цифровыми законом и встроены в регулирующую информационную систему. Поэтому границы ее действия определяются не цифровой оболочкой актива, а характером его нормативной конструкции.

Практическая трудность заключается в ином: даже корректная квалификация цифрового права сама по себе не обеспечивает полноценного оборота, если не решены вопросы наследования, залога, исправления ошибочных записей и исполнения судебных актов. Именно здесь становится заметным разрыв между материально-правовым титулом и фактическим контролем над активом. Поэтому наиболее уязвимой частью действующего регулирования являются не дефиниции как таковые, а процедуры перевода судебного или нотариального решения в системно исполнимое действие. Ограниченность прямой судебной практики по статье 141.1 ГК РФ не обесценивает исследование, но требует осторожности в обобщениях: смежные споры о цифровой валюте и иных цифровых активах используются здесь не как прямые прецеденты, а как материал для выявления типовых проблем доступа, контроля, доказывания и инфраструктурного посредничества.

Следовательно, дальнейшее развитие законодательства в рассматриваемой сфере должно осуществляться прежде всего не за счет механического расширения легального понятия цифровых прав, а посредством точечной настройки уже существующих частноправовых механизмов и процедур их практической реализации в цифровой среде. Такой подход представляется наиболее оправданным на текущем этапе, поскольку основные затруднения возникают не на уровне самой дефиниции цифрового права, а в плоскости его оборота, легитимации обладателя, фиксации перехода, установления и учета обременений, а также обеспечения технически исполнимого взаимодействия между участниками оборота и оператором информационной системы. Вместе с тем точечная модернизация не должна рассматриваться как окончательный отказ от более общей концепции цифрового имущества. Если дальнейшее развитие цифрового оборота выявит устойчивые межсекторные связи и повторяющиеся правоприменительные коллизии, может возникнуть потребность в системном нормативном решении, обеспечивающем единство терминологии, внутреннюю согласованность специальных режимов и предсказуемость квалификации новых цифровых имущественных явлений.

В сравнительно-правовом аспекте российская модель цифровых прав занимает промежуточное положение между англо-американским функциональным подходом и европейской статутной детализацией. В Великобритании доклад Law Commission 2023 г. исходил из того, что действующее общее право уже допускает признание за рядом цифровых активов имущественной природы, однако для устранения неопределенности была предложена законодательная кодификация, подтверждающая существование особой категории объектов личной собственности, способной охватывать крипто токены и иные цифровые активы¹. Для российского права этот опыт важен не как образец прямого заимствования, а как подтверждение того, что критерии контроля, передачи и принудительной реализации могут иметь самостоятельное значение при проектировании режима цифровых имущественных объектов.

Американская модель, напротив, демонстрирует приоритет функциональной квалификации. Классический тест *Howey*, выработанный Верховным судом США, позволяет отнести актив к инвестиционному контракту, а, следовательно, к ценным бумагам, если налицо

¹ Law Commission. Digital Assets: Final Report. Law Com No. 412. London: Law Commission; 2023. URL: <https://lawcom.gov.uk/project/digital-assets/> (accessed: 26.05.2026).

вложение средств, общее предприятие, ожидание прибыли и зависимость ее получения преимущественно от усилий иных лиц¹. Для цифровых активов это означает, что решающее значение приобретает не технологическая форма токена сама по себе, а экономическая и организационная конструкция его размещения и обращения. Достоинство такого режима состоит в гибкости и способности охватывать новые экономические модели; его недостаток – в сравнительно низкой предсказуемости для участников оборота. Для российской статьи 141.1 ГК РФ это особенно показательно: функциональные критерии полезны как аналитический инструмент, но их полная замена формально-легального подхода могла бы снизить определенность гражданского оборота.

Регламент MiCA, напротив, иллюстрирует европейскую модель нормативно дифференцированного регулирования. Он формирует единый правовой режим для криптоактивов в пределах ЕС, устанавливая требования к эмитентам и поставщикам услуг, включая авторизацию, раскрытие информации, соблюдение стандартов управления рисками и специальные правила для токенов, привязанных к активам и электронным деньгам². В российском контексте MiCA представляет интерес как пример того, как технологически нейтральное регулирование может быть соединено с детальной типизацией отдельных классов цифровых активов. Такой подход подтверждает, что специальное регулирование не обязательно ведет к фрагментации, если оно опирается на общие принципы квалификации, раскрытия информации, контроля инфраструктуры и защиты участников оборота.

Сопоставление указанных моделей позволяет сделать вывод, что зарубежный опыт подтверждает целесообразность не универсализации цифрового имущества, а сочетания статутной определенности и ограниченного функционального анализа. Для российского права это означает, что статья 141.1 ГК РФ должна сохранять роль рамочной нормы для прямо признанных законом цифровых прав, тогда как функциональные критерии – юридическая природа актива, контроль, передача, роль системной записи и инфраструктурная исполнимость – могут использоваться при законодательной донстройке специальных режимов и при оценке перспектив более общей концепции цифровых имущественных явлений.

Выводы

Статья 141.1 ГК РФ закрепляет не универсальную категорию цифрового имущества, а специальную правовую форму существования отдельных имущественных прав. Цифровым правом в российском праве является лишь то право, которое прямо признано таковым законом и существует в рамках соответствующей информационной системы.

Пределы действия статьи 141.1 ГК РФ определяются сочетанием нормативного и инфраструктурного критериев. Для квалификации спорного явления в качестве цифрового права необходимо наличие прямого законодательного признания, имущественно-правового содержания, структурной привязки к информационной системе и юридически значимой роли системной записи.

Запись в информационной системе имеет для цифровых прав самостоятельное юридическое значение, но оно неодинаково по объему. На уровне общей нормы запись легитимизирует обладателя и задает допустимый способ распоряжения правом, тогда как в специальных режимах она может входить в юридический состав возникновения, перехода, ограничения или прекращения права.

Наиболее перспективное направление дальнейшего развития регулирования связано не с расширительным толкованием понятия цифровых прав, а с последовательной донстройкой наследования, залога, обращения взыскания, исправления дефектных записей

¹ Securities and Exchange Commission v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/293/> (accessed: 26.05.2026).

² Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets. Official Journal of the European Union. 2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng> (accessed: 26.05.2026).

и процессуальных правил работы с цифровыми доказательствами. Вместе с тем по мере усложнения цифрового оборота может возникать потребность в более согласованной общей модели, связывающей между собой специальные режимы без их смешения и без утраты догматической определенности. Такой подход сохраняет преимущества закрытой модели статьи 141.1 ГК РФ на текущем этапе, но не исключает ограниченного использования функциональных критериев при последующей законодательной доработке цифровых имущественных режимов.

Список источников

1. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Том 19. № 3. С. 330–334. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>. EDN: MJMDYD
2. Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex Russica. 2020. Том 73. № 10(167). С. 21–31. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.021-031>. EDN: FXOJRF
3. Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. А. и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54. EDN: ZPOQLZ
4. Мамедов И. Ф. Проблема квалификации цифровых финансовых активов в системе объектов гражданских прав и ее влияние на режим их оборота // Предпринимательское право. 2026. № 1. С. 42–48. <https://doi.org/10.18572/1999-4788-2026-1-42-48>. EDN: QTFWVI
5. Вакулина Г. А. О видах цифровых прав // Хозяйство и право. 2023. № 6 (557). С. 3–12. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-6-3-12>. EDN: DURPHT
6. Лисица В. Н. Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения // Государство и право. 2024. (2):110–118. <https://doi.org/10.31857/S1026945224020118>. EDN: PZSRQB
7. Волос А. А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 ГК РФ // Банковское право. 2024. № 3. С. 16–23. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-3-16-23>. EDN: QICTIJ
8. Павлова Д. А. Особенности осуществления цифровых прав // Юрист. 2023. № 3. С. 8–15. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-3-8-15>. EDN: PZFOIM
9. Харитоновна Ю. С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2. С. 74–95. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.2.74.95>. EDN: CEOSTT
10. Лобашук В. Е. Залог цифровых прав в российском гражданском праве: вопросы обеспечения принципов специальности и публичности, а также принудительной реализации в условиях контролирующей роли операторов информационных систем (ОИС) // Право и политика. 2025. № 12. С. 306–324. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.12.76787>. EDN: XIPAGV
11. Стрельцова Е. Г. Цифровое исполнительное производство // Lex Russica. 2023. Том 76. № 10(203). С. 135–145. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145>. EDN: BEBRQN

References

1. Konobeevskaya I.M. Digital rights as a new object of civil rights. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2019;19(3):330–334. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>. EDN: MJMDYD
2. Grin O.S. Obligational relations concerning digital objects of civil rights. *Lex Russica*. 2020;73(10(167)):21–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.021-031>. EDN: FXOJRF
3. Novoselova L.A., Gabov A.V., Savelyev A.A., et al. Digital rights as a new object of civil law. *Zakon*. 2019;(5):31–54. (In Russ.). EDN: ZPOQLZ

4. Mamedov I.F. The problem of qualification of digital financial assets in the system of civil-law objects and its impact on their circulation regime. *Entrepreneurial Law*. 2026;(1):42-48. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1999-4788-2026-1-42-48>. EDN: QTFWVI
5. Vakulina G.A. On the types of digital rights. *Economy and Law*. 2023;6(557):3-12. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-6-3-12>. EDN: DURPHT
6. Lisitsa V.N. Digital currency, digital ruble and electronic money in Russian civil law: problems of correlation. *State and Law*. 2024;(2):110-118. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S1026945224020118>. EDN: PZSRQB
7. Volos A.A. Digital rights: some problems of interpreting Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Banking Law*. 2024;(3):16-23. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2024-3-16-23>. EDN: QICTIJ. (In Russ.)
8. Pavlova D.A. Peculiarities of exercising digital rights. *Jurist*. 2023;(3):8-15. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-3-8-15>. EDN: PZFOIM. (In Russ.)
9. Kharitonova Yu.S. Inheritance of legalized digital assets: conflicts and possible directions for improving Russian legislation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024;(2):74-95. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.2.74.95>. EDN: CEOSTT
10. Lobashchuk V.E. The pledge of digital rights in Russian civil law: issues of ensuring the principles of speciality and publicity, as well as forced enforcement under the controlling role of information system operators. *Law and Politics*. 2025;(12):306-324. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.12.76787>. EDN: XIPAGV
11. Streltsova E.G. Digital enforcement proceedings. *Lex Russica*. 2023;76(10(203)):135-145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145>. EDN: BEBRQN.

Информация об авторе

Е. В. Кондратенко – аспирант кафедры гражданского права, Южный федеральный университет.

Information about the author

E. V. Kondratenko – Postgraduate Student of the Department of Civil Law, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.04.2026; одобрена после рецензирования 01.06.2026; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 22.04.2026; approved after reviewing 01.06.2026; accepted for publication 03.06.2026.